

ЛЕО
LEO PERUTZ

Leo Perutz

ПЕРУЦ

Прыжок в неизвестное

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОКИДЫШЕВЪ И СЫНОВЬЯ

Лео Перуц

Прыжок в неизвестное

«СОЮЗ»

1918

Перуц Л.

Прыжок в неизвестное / Л. Перуц — «СОЮЗ», 1918

Удивительно устроен человек. Для того, чтобы начать ценить что-то по-настоящему, нужно это потерять. Каждая вещь, каждое мгновение тогда становятся особенными и воспринимаются иначе. Настоящую ценность свободы понимает только тот, кто ее лишился. История Станислава Демба как раз об этом. Молодой студент зарабатывает на жизнь репетиторством и переводами, но все равно испытывает затруднение в деньгах. А тут еще его девушка заявляет, что собирается поехать в Венецию с давним другом, получившим от отца значительное вознаграждение. Станислав решает во чтобы то ни стало раздобыть необходимую сумму и самому отправиться в отпуск с возлюбленной. Вот только все идет не так, как было запланировано и пройдя все круги ада и раздобыв долгожданные деньги, молодой человек снова и снова сталкивается с невозможностью взять в руки то, что получил с таким трудом.

© Перуц Л., 1918

© СОЮЗ, 1918

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лео Перуц

Прыжок в неизвестное

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Глава I

Фрау Иоганна Пюхель, владелица бакалейной торговли на Визенгассе, вышла из своей лавки на улицу в восьмом часу утра. День выдался пасмурный. Воздух – сырой и прохладный, небо – в тучах. Погода совсем подходящая, чтобы позволить себе рюмочку горькой. Но бутылка со сливянкой, стоявшая на полке, была почти пуста, и фрау Пюхель решила приберечь остаток к празднику. Осторожности ради она заперла бутылку в кухонный шкаф, ибо супруг ее, чинивший во дворе тележку, совершенно сходил с ней в положительной оценке спиртных напитков.

До восьми часов появилось только несколько постоянных покупателей: парикмахерский подмастерье, которому она каждый день готовила завтрак – хлебец с луком и пучок редиски; двое школьников, купивших леденцов на двенадцать геллеров; кухарка госпожи инспекторши, пришедшая за двумя кило картофеля и пучком салата, и господин из Министерства труда, который уже много лет ежедневно брал бутерброды для завтрака в лавке фрау Пюхель. Торговля оживилась только после восьми часов и в половине девятого была в полном разгаре. В начале десятого часа зашла поболтать старая фрау Шимек, та, что торгует табаком на углу Карл-Денкгассе. Разговор коснулся неприятной истории, которая вышла у фрау Пюхель с выписанным из Венгрии сыром-брынзой.

И разговор этот был прерван появлением Станислава Дембы, того господина Дембы, чье необычайное поведение служило затем в течение многих недель обильным материалом для бесед обеих этих дам.

Демба три раза проходил мимо дверей, прежде чем решился войти, и всякий раз пугливо заглядывал в помещение. Казалось, он ищет кого-то. Бросалось в глаза и то, как он вошел: на дверную щеколду он нажал не рукой, а локтем и затем постарался правым коленом открыть дверь, что ему и удалось после нескольких попыток.

Затем он продвинулся в лавку. Это был рослый, плечистый человек с короткими рыжеватыми усами и гладковыбритым лицом. Его светло-коричневое пальто было свернуто в виде ролика, и носил он его на руках, как муфту. По-видимому, он прошел большое расстояние: сапоги у него были в пыли, брюки до колен забрызганы уличной грязью.

– Хлеба с маслом, пожалуйста! – попросил он. Фрау Пюхель протянула руку к ножу, но сперва решила закончить разговор с фрау Шимек.

– Мне уже вот что не понравилось: когда ящик доставили, он весил семьдесят кило, а я ведь заказала семьдесят пять кило брынзы. Ну а когда я сняла крышку, можете себе представить, вид у брынзы был такой, что хоть посылай его на поправку подышать летним воздухом. Совсем сгнил, так червями и кишит. Вам что, позволите?

Станислав Демба от нетерпения несколько раз ударял ногой о прилавок.

– Хлеба с маслом, пожалуйста, но поскорее, я тороплюсь.

Лавочница не дала, однако, отвлечь себя от важной темы.

– Простите, эта дама пришла первая, – сказала она господину Дембе. – Я должна сначала ее отпустить.

«Отпускать» ее она начала с того, что продолжала в несокращенном виде излагать историю с брынзой.

– Я, разумеется, сделала заявление, и подумайте только, что отвечает мне этот человек! Он, видите ли, – она достала из кармана передника замасленное, смятое письмо и принялась искать инкриминируемые строки. Ага, вот тут, посмотрите-ка... «Сыр был упакован должным образом, и я не отвечаю за незначительную убыль в весе», которую понес товар при транспорте». За незначительную убыль в весе! Я думала, что меня хватит удар, когда я это прочитала.

– Это у них всегда такие отговорки, – сказала фрау Шимек.

– Но тут он, знаете ли, ошибся адресом! Вы думаете, я это ему спущу? Как же, нашел дуру!

– Совсем необразованный народ!

– Ведь надо быть преступником, чтобы сказать такую вещь! – воскликнула фрау Пюхель в крайнем негодовании.

Тут ее в третий раз перебил господин Станислав Демба, который был, казалось, не расположен дольше ждать своего хлеба с маслом.

– Быть может, – сказал он с раздражением, насмешкой и подавленной яростью, – когда ваш справедливый гнев уляжется, я все же получу наконец мой хлеб с маслом?

– Я уж и занялась этим, – сказала лавочница, – потерпите немного! Вы, видно, очень спешите!

– Очень, – отрезал Станислав Демба.

– Не посидите ли еще, фрау Шимек? – крикнула фрау Пюхель вдогонку уходившей приятельнице.

– Мне надо заглянуть в свою лавку, я потом еще к вам забегу.

– Вы, верно, где-нибудь служите, господин, в конторе или канцелярии? – спросила лавочница своего нового покупателя. – Я говорю только к тому, что вы очень торопитесь.

– Во всяком случае время у меня не краденое, – грубо ответил Демба.

– Ну, вот и готово.

Фрау Пюхель протянула ему хлеб с маслом.

– Двадцать четыре геллера.

Господин Демба сделал порывистое движение в ее сторону, но тартинки не взял. Несколько раз он медленно провел языком по губам, наморщил лоб и вид имел такой, словно у него внезапно возникли серьезные сомнения насчет полезности этой еды.

– Может быть, его разрезать? – спросила лавочница.

– Да, разумеется, разрежьте его. Не думаете же вы, что я сразу весь хлеб засуну в рот?

Женщина разрежала хлеб на тонкие ломтики и положила их перед покупателем.

Демба к ним не притронулся. Он постукивал носком сапога по полу и щелкал языком, словно нетерпеливо ждал какого-то события, которое не желало наступить. Глаза его за стеклами пенсне в роговой оправе бродили вокруг, точно в поисках помощи.

– Не прикажете ли еще чего? – спросила фрау Пюхель.

– Что? Да. Есть у вас краковская колбаса?

– Краковской нет. Есть чайная, копченая, салями.

– Так дайте чайной.

– Сколько?

– Восемь дека. Или нет, десять дека.

– Десять дека? Пожалуйста.

Женщина завернула колбасу в бумагу и положила рядом с хлебом.

– Все вместе шестьдесят четыре геллера.

Демба не взял ни того ни другого. У него вдруг оказалось в распоряжении чрезвычайно много времени, и он обнаружил поражающий интерес к мелким особенностям внутреннего устройства бакалейной лавки. Он постарался расшифровать надпись на ярлыке бутылки с уксусом, а затем предался изучению нескольких жестяных плакатов, висевших по стенам и над прилавком. «Здесь продается излюбленный ржаной хлеб Газенмайера», «Лучшее туалетное мыло Хвойки» – читал он с большим вниманием, и губы его при этом беззвучно шевелились.

– Это он и есть – излюбленный ржаной хлеб Газенмайера? – спросил он и наклонился испытующе над своей тартинкой, на которую тем временем опустились две мухи.

– Нет, это хлеб из пекарни «Эврика».

- Вот как! Собственно говоря, мне бы хотелось газенмайерского.
- Вкус у них одинаковый, да и цена одна, – ответила лавочница.
- В таком случае ладно.

Поведение Дембы становилось все загадочнее. Он вдруг с искаженным лицом взглянул на потолок, и по лбу его покатились капельки пота.

- Можете вы послать мне эти вещи на дом? Меня зовут Станислав Демба.
- Вещи на дом? Какие вещи?
- Да вот эти.

Господин Демба показал глазами на свои покупки.

- Чайную колбасу?

Лавочница изумленно уставилась на господина Дембу. Подобное требование она слышала первый раз в жизни.

– Нельзя? Я попросил об этом потому, что мне нужно еще кое-куда зайти, и я не хочу таскать с собой эту покупку. Мне казалось, что в таком большом деле, как ваше... Нельзя? Ну и ладно. Это ничего.

Он принялся тихонько насвистывать, несколько мгновений следил за мухами, гулявшими по его тартинке, а потом вперил испытующий взгляд в деревянный ящичек с сушеными сливами.

- Много ли будет вишен в этом году? – спросил он вдруг.
- Как где, смотря по погоде, – сказала фрау Пюхель и взялась за свое вязанье.
- Демба все еще не собирался уходить.
- Будут ли они дешевле, чем в прошлом году?
- Не думаю.

Разговор опять оборвался. Лавочница взяла чулок, а внимание Дембы было всецело поглощено коробкой с сардинками.

Вошли покупатели: девочка, спросившая соленых огурцов, и кучер, купивший копченой колбасы. Когда они ушли, Демба все еще оставался в лавке.

- Нельзя ли мне получить стакан молока? – спросил он.
- Молоком я не торгую.
- В таком случае рюмку водки.
- И водкой не торгую. Вам, может быть, нездоровится?

Станислав Демба поднял на нее глаза.

– Что вы сказали? Да. Конечно. Мне нездоровится. У меня желудочные боли. Все время. Неужели вы этого не заметили?

– Рюмочка сливянки найдется у меня в квартире. Может быть, вам от нее станет легче, – сказала лавочница.

Лицо у Дембы вдруг просияло.

– Да, пожалуйста. Принесите мне, голубушка, сливянки. Говорят, это лучшее средство от зубной боли.

Катерль, старшая девочка фрау Пюхель, играла в соседней жилой комнате со скакалкой. Она была толста и неуклюжа, и ей редко удавалось договорить стишок, в такт которого она прыгала через веревочку. Только что она начала слова:

*Господин медведь
Прислал поглядеть,*

Долго ли кофе будет кипеть...

– Кати, – сказала лавочница, – посиди-ка в лавке, пока я не вернусь. Не знаешь ли, куда я положила ключ?

– Он в ящике, – сказала Катерль и опять начала скакать.

*Завтра в восемь
Милости просим.
К девяти часам*

Я кофе подам...

Фрау Пюхель отперла кухонный шкаф. Но в то время как она наливала водку в рюмку, ее вдруг озарила чрезвычайно тревожная мысль. Покупатель так странно вел себя. Сначала он торопился, а потом его нельзя было выпроводить из лавки. Все высматривал и выспрашивал, как будто у него в голове неладно, а на самом-то деле, может быть, на кассу позарился. В кассе было четырнадцать крон, и коралловые бусы, и два кольца с бирюзовыми камешками, и сберегательная книжка Катерль, и два образка!

Со шкаликом сливянки в руке фрау Пюхель, бледная от страха, ворвалась в лавку.

– Так и есть! В лавке – никого! Исчез, прощелыга! Плакали наши денежки, четырнадцать крон!

Фрау Пюхель, задыхаясь, упада на стул и в ярости выдвинула ящик с деньгами.

Но в кассе все было в полном порядке. Вот чашечка с серебряными монетами, а рядом – оба кольца, коралловые бусы, сберегательная книжка и два образка.

Слава тебе, Господи! Все в целости. Только хлеб и колбасу стащил. Но зато сливянка уцелела. Это обстоятельство настроило ее примирительно. Конечно, ему нечем было заплатить за колбасу и хлеб! Что ж, она бы ему подарила их, попроси он об этом. Мы ведь люди, а не звери.

Фрау Пюхель после пережитого страха залпом выпила рюмочку сливянки. Затем вышла на улицу поглядеть, не видно ли беглеца. Но Станислав Демба успел скрыться.

Когда она вернулась, взгляд ее упал на несколько никелевых и медных монет, лежавших на прилавке. Три монеты по двадцать геллеров и два крейцера. Шестьдесят четыре геллера.

Станислав Демба добросовестно отсчитал деньги на прилавке, а затем сбежал с покупкой, как если бы украл ее.

Глава II

Надворный советник Клементи совершал свою ежедневную утреннюю прогулку по Лихтенштейнскому парку в обществе приятеля своего, профессора фон Труксы, и своей собаки Кира. Надворный советник Клементи, заведовавший древневосточным отделением художественно-исторического музея и временно руководивший этнографо-антропологическим отделением, несомненно знаком читателям и в особых рекомендациях не нуждается. Своим капитальным, изданным Академией наук трудом «О происхождении древнеассирийских собственных имен» он обеспечил за собой видное место в ученом мире, а его остроумные исследования «индийских кафельных рисунков и влияния их на орнаментику персидских ковров» сделали его имя популярным в широких кругах любителей искусства, художников и коллекционеров.

Профессор фон Трукса, действительный член Академии наук (по философско-историческому отделению) и преподаватель консульской академии, не столь известен. Среди его многочисленных трудов по языковедению первое место занимает превосходный калмыцко-немецкий словарь. Другие его произведения, как, например, исследование о скоплении полугласных «р» и «л» в кимрийских наречиях и его объемистое сочинение об этнографии и языке сомалийских племен, получили известность среди зарубежных специалистов.

Впрочем, научная деятельность этих двух почтенных особ не играет в этом рассказе сколько-нибудь значительной роли, и мы поэтому только вскользь упомянем, что профессор фон Трукса незадолго до этого вернулся из продолжительной ученой экспедиции в северную часть Башана и занят был сообща с надворным советником Клементи разработкой и опубликованием научных плодов этого путешествия, коими являлись многочисленные более или менее хорошо сохранившиеся памятники хетской и финикийской словесности.

Что же касается Кира, собаки надворного советника, то ее порода не поддается точному установлению. Однако мы не слишком далеко уклонимся от истины, если причислим ее к семейству шпицев. Она умела носить поноску, давать лапу и «просить»; шерсть у нее была белая в коричневых пятнах, а темперамент отважный.

Надворный советник Клементи передвигался медленно и к тому же имел привычку, разговаривая, часто останавливаться, охотнее всего на особенно оживленных улицах; сознавать себя препятствием для уличного движения, казалось, было ему приятно. Даже неудовольствие Кира, выражавшееся в порывистом дерганье за шнурок, было бессильно против этой слабости ученого, хотя обычно пес тиранил его и во всем навязывал ему свою волю, а при переходе через Фарфоровую улицу профессору Труксе нелегко было ограждать своего друга от опасностей, грозивших со стороны электрического трамвая.

В Лихтенштейнском парке было в это время – в десятом часу утра – довольно много народу. Девочки и мальчики с обручами и мячами бегали по усыпанной песком аллее, бонны и кормилицы, болтая, катили детские коляски, гимназисты с важным видом повторяли уроки. Оба ученых направились в уединенную часть парка, где их поджидала скамья, стоявшая в тени старых акаций и скрытая от взоров других гуляющих густым кустарником. Там они имели обыкновение каждое утро часок-другой посвящать просмотру своих рукописей и корректур, не привлекая чьего-либо внимания и, в свою очередь, не обращая внимания на шум и суету.

Сперва, однако, оба ученых мужа занялись разговором насчет области распространения гашиша. Профессор Трукса отстаивал взгляд, согласно которому употребление гашиша известно только на Востоке, чем вызвал энергичное возражение надворного советника.

– Вам, несомненно, известно, – сказал господин Клементи, – что в доисторических могилах Южной Франции найдены были маленькие глиняные трубки, содержавшие остатки *Cannabis sativa* L. Наши предки, наверное, курили коноплю, и она же была знакома древним

грекам. Вспомните то место в «Одиссее», где говорится о напитке Непента, который «угашает печаль и память о всяком страданье». А *gelotophyllis*, «трава смеха» древних скифов, о которой рассказывает Плиний!

– Я предпочел бы все же не сходить с твердой научной почвы, – возразил профессор Трукса. – Вирт в Мюнхене идет ведь еще дальше вас, не подкрепляя, впрочем, своих теорий сколько-нибудь серьезными доказательствами. Он утверждает, будто великие массовые психозы в древнем мире, как флагеллантизм, так и поразительные эпидемии плясок, надлежит рассматривать как следствие неумеренного употребления гашиша или подобного ему наркотического средства.

– Я не могу, конечно, присоединиться к этим уклонам мысли профессора Вирта, за которым, впрочем, признаю в его области немаловажные заслуги. Я только утверждаю, что единичные случаи употребления гашиша, бесспорно, наблюдались в Европе постоянно, да и ныне, вероятно, могут быть наблюдаемы. Заметьте, единичные случаи! Я, например, помню одного неаполитанского портового рабочего... Какие, впрочем, симптомы можете вы указать, господин профессор?

– Я сразу узнаю курильщиков гашиша по их мгновенно меняющимся склонностям и настроениям и по их необычайно повышенной силе воображения. Один продавец лимонада в Алеппо, которого мне удалось наблюдать в состоянии опьянения, считал себя архангелом Гавриилом. Один арабский почтальон в Варане выдавал себя за кузнечика и до тех пор пытался слететь с городской стены, пока не поломал себе ноги. Иногда люди, обычно спокойные и миролюбивые, неожиданно совершают грубые насильственные действия. Я видел, как один ночной сторож в Дамаске без всякого повода нанес такой сильный удар в живот безобидному прохожему, что беднягу пришлось отнести в больницу.

– Но ведь наркотическое состояние выражается, вероятно, по-разному у различных рас, не правда ли? – спросил надворный советник.

– В этом отношении я даже пошел бы дальше. Если не говорить об отдельных неизбежно обнаруживающихся симптомах, то каждый индивид по-особому реагирует на действие гашиша.

В пылу спора ученые остановились. Было бы, однако, неправильно предположить, будто тема беседы их поглотила настолько, что они не видели ничего происходившего вокруг них в переполненном людьми парке. Резиновый мяч, который один мальчуган выбил из рук своего товарища, подкатился прямо к ногам надворного советника. Ученый поднял его, внимательно осмотрел и попытался засунуть в карман сюртука, очевидно полагая, что мяч только что выпал у него самого из рук. Профессор Трукса снисходительно улыбнулся и осторожно взял игрушку из рук своего друга, стараясь не нарушить ход мыслей надворного советника. Но сейчас же вслед за этим он сам забыл, каким образом сделался обладателем мяча, держал его беспомощно в руках и не знал, как с ним поступить. Несчастный собственник игрушки стоял в нескольких шагах от них и недоверчиво и в постоянной готовности к бегству наблюдал за дальнейшим развитием событий.

– А приходилось ли вам на самом себе испытать действие гашиша? – спросил надворный советник.

– Да, но только один раз. Передо мной мелькнуло несколько арабесок чувственного характера, и у меня сделались колики.

Относительно резинового мяча профессор Трукса пришел к определенному решению. Рукавом сюртука он тщательно отер его от глины и песка, сдунул с него несколько пылинок и затем осторожно положил на землю. Мальчуган тотчас же бросился на свою собственность и убежал с торжествующим ревом.

Оба ученых продолжали свой путь. Они дошли теперь до менее оживленной части парка. Аллея, перейдя в узкую, обсаженную густыми кустами дорожку, привела их к любимому

местечку – к скамье, притаившейся под сенью и в листве двух акаций за группой из песчаника, которая изображает детей, играющих с косулей.

На скамье сидел Станислав Демба.

Он занят был завтраком. Сидел, наклонившись вперед, подпирая голову руками, и жевал. Часть хлеба и несколько ломтиков колбасы лежали рядом с ним на скамейке. Его светло-коричневое пальто служило ему теперь, по-видимому, своего рода салфеткой. Оно у него свисало с шеи, как театральный занавес, и скрывало за потоком своих складок его грудь, руки от плеч до кистей и ноги. Длинные пустые рукава трепал ветер.

Надворный советник и профессор занялись приготовлениями. Скамья была мокрая и не очень чистая. Профессор Трукса стал искать по своим карманам, чем бы ее прикрыть, и, не сразу найдя что-либо подходящее, решил, со свойственной этому ученому в малых и великих делах стремительностью, воспользоваться для этой цели теми листами рукописи и корректур, просмотру которых предполагалось посвятить это утро. Только присутствие духа, которое обнаружил надворный советник, в последний миг выхватив драгоценные документы из рук своего друга, предупредило непоправимое несчастье.

Кира привязали к спинке скамьи и за это освободили от намордника. Затем ученые мужи уселись.

Их приход был, казалось, тягостной помехой для Станислава Дембы. Он перестал есть, повернул голову и досадливо покусывал губы. На лице его выразилось разочарование, когда он увидел, что те не скоро собираются уйти. Он встал и уже готовился удалиться, когда взгляд его упал на хлеб с маслом. Некоторое время он стоял в нерешительности, а затем опять опустился на скамью.

Надворный советник Клементи и профессор Трукса, приведя в порядок и сложив листы рукописи, принялись делать заметки и обмениваться вполголоса замечаниями. Так прошло несколько минут, после чего их работа была прервана.

– Не будете ли вы добры позвать к себе свою собаку? – сказал Демба, криво улыбаясь, профессору, сидевшему к нему ближе.

Профессор Трукса поднял голову. Кир только что проглотил два куска чайной колбасы Дембы.

– Она мне неприятна. Я терпеть не могу собак. Голос у Дембы дрожал от ярости.

– Господин надворный советник, посмотрите-ка, что натворила ваша собака! – в смущении воскликнул профессор.

– Бога ради, простите! – взмолился надворный советник, которому было чрезвычайно тягостно поведение его пса. – Я искренне прошу вас извинить меня. Кир, сюда!

Неизвестно, на каком языке объяснялся обычно надворный советник со своим псом. Быть может, в течение долголетней совместной жизни со своим господином Кир приобрел некоторые познания в арамейском и простонародно-арабском наречиях. По-немецки он, во всяком случае, не понимал ни слова. Он повторил свое нападение на колбасу, и попытка надворного советника оттянуть его за уши имела последствием только то, что Кир обозлился, заворчал и хотел куснуть руку своего господина.

Демба с боязливым отвращением следил за каждым движением собаки, но не шевельнул рукой, чтобы отогнать ее или защитить свою колбасу.

– Может быть, вы не откажетесь перенести ваши съестные припасы на другой конец скамьи? Туда собаке не достать, – попросил надворный советник.

– На другой конец?

Демба не видел оснований передвигать вещи на другой конец. Он не обязан. Да к тому же там солнце, а колбаса от солнечных лучей наверняка испортится; с этим, надо надеяться, всякий согласится.

Надворный советник с этим, конечно, согласился, хотя небо было облачно и солнце не проглядывало ничуть.

– Впрочем, – продолжал Демба, – колбасу и так уже есть нельзя. Она уже несвежа, ее можно спокойно отдать собаке. Хлеба она, вероятно, не жрет? От хлеба я бы, видите ли, не отказался. Это газенмайерский ржаной хлеб и отличное датское масло.

– Не уберете ли вы их все-таки отсюда? – попросил надворный советник.

Кир покончил с колбасой и, ни с кем не считаясь, набросился на тартинку. Станислав Демба несколько раз проглатывал слюну, пожирая глазами тартинку, но ничего не сделал для ее спасения.

– Однако! – прошипел он в ярости. – Ваша собака, по-видимому, совсем изголодалась. Ни кусочка не оставила, ни крошки.

– Но почему же вы не убрали хлеб? – спросил профессор Трукса.

– Хлеб, видите ли, зачерствел, а к маслу у меня в жаркую погоду просто отвращение. Я бы к ним все равно не притронулся.

Оба ученых снова взялись за работу. Но для Дембы, казалось, инцидент еще не был исчерпан.

– Вы, господа, недовольны, по-видимому, – спросил он вызывающе, – что я накормил вашу собаку своим бутербродом? Странно, что находятся люди, отказывающие собственной собаке в корме, даже когда он им не стоит ни гроша!

Профессор Трукса спросил своего друга, не считает ли он целесообразным подыскать другую скамью. Молодой человек, по-видимому, хочет вызвать ссору. Чтобы Демба не понял его слов, профессор Трукса воспользовался наречием северных туарегов, а именно – ради вящей безопасности – диалектом одного давно уже вымершего племени.

Станислав Демба, казалось, действительно вознамерился не дать ученым продолжать работу.

– Не находите ли вы странной мою мысль подарить свой завтрак чужой собаке? – обратился он раздраженно к профессору. – Подумаешь, как это важно: немного колбасы и хлеба! За шестьдесят четыре геллера их можно раздобыть в любой бакалейной лавке. Вы полагаете, может быть, что нужны особые трюки или уловки, чтобы раздобыть хлеба и колбасы?

– О, конечно же, нет, – учтиво сказал изумленный профессор. – И вы, сударь, вероятно, очень любите животных? – прибавил он.

– Но какая же ты славная собачечка! – воскликнул Станислав Демба в неожиданном приливе восторга. – Ты прелесть какой песик! Не отдадите ли вы мне собаку совсем? Нет? Жаль. Ей было бы у меня хорошо. Станислав Демба, разрешите представиться – Демба, кандидат философских наук... Такую собаку я давно уже ищу. И откуда у нее такая славная розовая мордочка? Ах ты моя собачонка! Да подойди же ты ко мне! Хочешь сахарку?

– Иди, Кир! – сказал надворный советник. – Подай господину лапу.

Кир бесхитростно подошел к Станиславу Дембе и поднял переднюю лапу.

Только этого, по-видимому, и ждал студент. Вместо сахара несчастному псу достался сильный пинок, и он с воем опрокинулся на спину.

Затем Станислав Демба вскочил и, не поклонившись, пустился бежать. Нижний край пальто, свисавший у него с рук, попал ему под ноги, и он споткнулся. Тихий металлический звон послышался вдруг, похожий на дребезжание связки ключей. Но Демба сохранил равновесие, подобрал пальто и скрылся за поворотом дорожки.

Профессор Трукса не сразу пришел в себя от ужаса.

– Какой грубый человек! – обратился он разочарованно к надворному советнику.

Тот хранил удивительное спокойствие.

– Профессор, – сказал он тихо, не обращая внимания на скулившего Кира, – вы это видели?

– Разумеется! Что за грубый человек!

– Больше вам ничего не бросилось в глаза? – таинственно прошептал надворный советник Клементи. – Я наблюдал за ним все время. Подумайте только: эта внезапная перемена настроений! Этот голод вначале, вдруг перешедший в отвращение ко всякой еде! Эта прорвавшаяся грубость, жестокость по отношению к безобидному животному, которое он за несколько мгновений до этого так любовно кормил. Профессор, вы ничего не замечаете?

– Вы думаете?.. – спросил профессор Трукса.

– Гашиш! – крикнул надворный советник. – Курильщик гашиша здесь, у нас, в Европе!

Профессор Трукса медленно поднялся и выпучил глаза на господина Клементи.

– Вы правы, пожалуй, господин надворный советник, – сказал он. – Как странно! Одурманенный гашишем! Первый, которого я вижу в Европе.

– Разумеется, я прав, – злорадствовал надворный советник.

– Меня поразило, как он носил пальто, – в раздумье промолвил профессор. – Как будто ему приходится скрывать под пальто нечто ценное от глаз толпы. Вы знаете, курильщики гашиша всегда воображают, что носят при себе какой-то таинственный клад.

– Пойдемте, профессор! – воскликнул надворный советник. – Живо! Мы еще догоним его, нам нельзя потерять его из виду!

Они в таком волнении побежали за студентом, что совсем забыли про Кира, привязанного к скамье и тщетно старавшегося лаем и визгом напомнить господину о своем существовании.

Когда оба ученых, запыхавшись, добежали до нижней части парка, курильщик гашиша давно уже исчез в толпе играющих детей.

Глава III

Фрейлейн знала хорошо, как ей идет новая кисейная блузка с двумя накрест пристегнутыми алыми лентами. Редко случалось ей оставаться одной, когда она сидела с книжкой в руках на скамейке парка, а мальчик и девочка, которых она водила гулять, играли с крохотным пожарным насосом или наполняли разные формочки песком. Вскоре к ней подсаживался какой-нибудь молодой человек, а то и двое (двое – это было ей обычно приятнее, потому что забавно было глядеть, как они служили друг другу препятствием), напускали на себя сначала полнейшее равнодушие, точно выбрали эту скамью совершенно случайно или только потому, что она стояла в таком тенистом уголке, обнаруживали преувеличенный интерес к чему угодно: к воробьям, голубям, прохожим или к носкам собственных ботинок, пока наконец не завязывали беседы; «У вас, должно быть, интересная книжка»; или: «Какие прелестные детки ваши питомцы, как зовут девочку?» А кто был посмелее: «Вы себе испортите свои красивые синие глазки, если будете все время читать».

К сколько-нибудь серьезным знакомствам такие вступления почти никогда не приводили, потому что молодые люди обычно уже при второй встрече выражали такие желания и притязания, которые выходили далеко за пределы того, о чем молодая девушка из хорошего дома, – не шутите, пожалуйста: отец фрейлейн был когда-то начальником почтовой конторы, а дядя ее матери еще и поныне состоял членом совета в департаменте Министерства торговли, – о чем молодая девушка из хорошего дома, пожалуй, может позволить при известных обстоятельствах говорить с собой, но лишь после продолжительного знакомства. А встречались и такие господа, беседу с которыми приходилось обрывать уже через две минуты: такие они позволяли себе вольности. Приходилось вскакивать: «Вилли! Гретль! Нам пора домой!» – и просто оставлять с носом нахала. Это случалось часто, хотя фрейлейн отнюдь не была недотрогой и даже находила некоторое удовольствие в осторожных разговорах на скользко-пикантные темы.

Особенно бывало ей приятно, когда такое беспечное знакомство кончалось корреспонденцией в виде обмена почтовыми карточками. Почтовые карточки фрейлейн ужасно любила получать. Утренняя почта была для нее кульминационным моментом дня. Часто, и даже в большинстве случаев, карточки бывали подписаны ставшими ей совершенно безразличными, а то и забытыми именами. Последние отзвуки получасовой пустой болтовни. Но бывало так весело, когда хозяйка дома входила в комнату сердитая и на вопрос мужа, приходил ли уже почтальон, раздраженно отвечала: «Да, но для нас не было ничего, только две карточки для фрейлейн».

Сегодня подле фрейлейн сидела, вместо какого-нибудь молодого человека, одна пожилая дама, фрау Буреш, ежедневно гулявшая в парке со своими двумя детьми. Обе дамы были знакомы. Дети играли все вместе, вчетвером; фрау Буреш и фрейлейн обменивались замечаниями относительно погоды.

– Прояснилось все-таки, – сказала фрейлейн.

– Лучше бы уж шел дождь, а то не знаешь, чего ждать, – пессимистически заметила фрау Буреш и достала свое рукоделие из сумочки. – Когда я сегодня утром поглядела в окно, то готова была поклониться, что дождь будет лить весь день, – так было пасмурно. А теперь все тучи рассеялись. Это удивительно.

Тема была исчерпана. Фрейлейн перелистывала книжку. Фрау Буреш вязала.

– В Эсквото-парке, говорят, будут поставлены в этом году стулья вместо скамей, – сообщила фрейлейн, – четыре геллера с человека.

– Все становится дороже с каждым днем. Право, не жизнь, а каторга. Как вы думаете, сколько стоит кило самого простого топленого...

Она проглотила «весь килограмм самого простого топленого свиного сала» и умолкла. Молодой человек уселся между ней и фрейлейн. А когда к фрейлейн подсаживались молодые люди, то фрау Буреш не хотела мешать, Боже упаси. Тогда она тактично отодвигалась на другой конец скамьи и погружалась в свое рукоделие.

У Станислава Дембы светло-коричневое пальто было накинуто на плечи и спереди небрежно застегнуто. Пустые рукава дрябло свисали. Он опустился на скамью изнуренный, с видом человека, прошедшего долгий путь и радующегося возможности вкушать несколько минут отдыха.

Только немного погодя он как будто заметил, что его соседка – на редкость хорошенькая девица. Он переменял позу, посмотрел ей внимательно в лицо и, по-видимому, остался доволен. Потом его взгляд упал на книгу, которую она держала в руках.

От фрейлейн не ускользнуло впечатление, произведенное ею на соседа. Украдкой посмотрела и она на него, не поднимая глаз от книги. Он показался ей недурен. Правда, человеком изящным его никак нельзя было признать, и хорошо одетых молодых людей она, собственно говоря, предпочитала. Но этот юноша был словно иной породы, чем те, с которыми она знакомилась обычно. «Может быть, он принадлежит к богеме, – подумала она. – Такой у него вид. Глаза у него живые, и он производит впечатление энергичного и умного человека. В сущности, это тяжелое и нескладное тело даже нельзя себе представить в элегантном, хорошо сшитом костюме. Он одевается в соответствии со своим характером», – так решила фрейлейн. Правда, брюки сплошь забрызганы грязью, ему не мешало бы их почистить, прежде чем к ней подсесть. Но как бы то ни было, фрейлейн чувствовала, что нечто привлекает ее в этом молодом человеке. Она решила пойти навстречу его попыткам к сближению, в неминувости которых была уверена.

Станислав Демба начал разговор не слишком оригинально: он спросил, какую книжку читает фрейлейн.

– Это Ибсен, не правда ли?

Фрейлейн прекрасно умела вздрагивать, когда с ней заговаривали, и обращать к вопрошающему испуганное, ошеломленное и немного негодующее лицо.

Станислав Демба сразу смутился.

– Я помешал вам? Я не хотел вам помешать.

– Ах нет, – сказала фрейлейн, опустила глаза и сделала вид, будто продолжает читать.

– Я хотел только спросить, не пьеса ли это Ибсена?

– Да. Это «Гедда Габлер».

Станислав Демба кивнул головой и не знал, что еще сказать.

Пауза. Фрейлейн глядела в книжку, но не читала. Она ждала. Но Демба молчал.

«Он немного неповоротливый», – подумала фрейлейн. И решила ему помочь.

– Вы знаете эту вещь? – спросила она и опустила книгу на колени в знак того, что чтение ее не слишком интересует.

– Да, конечно, знаю, – сказал Демба.

И замолчал.

Фрейлейн ничего другого не оставалось, как, перелистав книгу, продолжать чтение. Неужели он такой неловкий? Неужели не знает, как продолжить разговор? Уж не жалеет ли он, что затеял его? Может быть, ему не понравились две оспинки на ее левой щеке? Едва ли. Все находят как раз эти маленькие изъяны очаровательными и своеобразными. Нет. Это только беспомощность. И фрейлейн решила дать ему последний козырь в руки. Она уронила свой зонтик.

Каждый молодой человек, даже самый глупый и неуклюжий, в таком случае с быстротой молнии подхватывает зонтик и подает его даме с изящным поклоном и несколькими любез-

ными словами. А дама любезно благодарит, и не успеешь оглянуться, как беседа уже завязалась.

Но на этот раз произошло нечто неслыханное, нечто небывалое в истории всех парков мира: Станислав Демба не поднял зонтика. Не вскочил и не подхватил его. Нет. Он не тронулся с места и предоставил фрейлейн самой нагнуться и взять зонтик.

Но фрейлейн, странным образом, не была обижена. Ничуть. Станислав Демба импонировал ей именно тем, что был в своем поведении так не похож на других. Он презирал банальные средства, которыми пользуются заурядные люди, чтобы произвести впечатление на женщину. Он не хотел казаться галантным, гнушаясь пустыми жестами дешевого рыцарства. Интерес фрейлейн к Дембе возрос. И, быть может, она бы даже заговорила с ним теперь – фрау Буреш вязала и не смотрела в их сторону, – если бы сам Демба вдруг не заговорил в эту минуту.

– Будь я вашим отцом, фрейлейн, – сказал он, – я запретил бы вам читать Ибсена.

– В самом деле? Почему же? Это – неподходящее чтение для молодых девушек?

– Не только для молодых девушек, но и для взрослых, – заявил Демба. – Он дает вам искаженную картину мира. Это северная Марлитт.

– Но это вам придется доказать. – Фрейлейн знала эту категорию молодых людей, которым ничего не стоило опрокинуть несколько авторитетов, лишь бы вызвать к себе интерес отважными литературными суждениями.

– Это было бы вам скучно. Скучно это и мне, – сказал Демба. – Мне пришлось бы вам предварительно объяснить, как мелки и как дешевы его символы, как все его люди одурманиваются пустыми звуками собственных слов. Но бросим это. Мне скучны литературные споры. Скажу еще только одно. Все его люди – бесполы.

– Вот как? Бесполы?

Фрейлейн мало читала Ибсена. Что поделаешь, так редко выдается спокойный часок и попадается хорошая книга. Кроме «Гедды Габлер» она знала еще только «Привидения». Но она умела обходиться со своим скромным багажом и производить впечатление особы весьма начитанной и превосходно знающей новую литературу.

– А Освальд? – спросила она. – Его вы тоже находите бесполом?

– Освальд? Тупой кандидат богословских наук! Не верьте его поцелую в соседней комнате! – Станислав Демба приготовился сострить: – Это обман: Регину целует в соседней комнате театральный плотник или, может быть, помощник режиссера, но не Освальд.

Фрейлейн рассмеялась.

– Впрочем, – продолжал Демба и подсел ближе к фрейлейн, – мы поцелуями обманываем природу. Это изобретенная женщинами уловка, которой они морочат мужчин.

– Однако вы нескромны. Вам, видно, сразу хочется всего, не правда ли? – спросила фрейлейн.

– Поцелуи, ласки, объятия, – проповедовал Станислав Демба, – существуют только для того, чтобы отвлекать нас от того единственного, в чем наш долг перед природой.

Фрейлейн начинала спрашивать себя, не лучше ли будет встать и прекратить разговор, становившийся немного опасным. Но ведь ее сосед высказывался в тоне чисто академическом, в смысле чисто теоретическом, а предмет беседы был ей, в сущности, приятен. Она покосилась в сторону фрау Буреш: та сидела и вязала и, наверное, не поняла ни слова, а дети играли в успокоительном отдалении. Но тут сам Демба изменил направление беседы.

– Я голоден, – сказал он.

– В самом деле?

– Да, представьте себе, я со вчерашнего дня ничего не ел.

– Так подзовите же вон ту торговку и купите себе кусок пирога.

– Это легко сказать, но это не так просто, – сказал Демба в раздумье. – Который теперь час, собственно говоря?

– На моих часах скоро три четверти десятого, – сказала фрейлейн.
– Господи, мне ведь нужно идти! – Демба вскочил.
– Правда? Как жаль! Одной тут сидеть так скучно.
– Я заболтался, – сказал Демба. – У меня много дел. Мне даже, в сущности, не следовало отдыхать. Но я смертельно устал, и у меня болели ноги. И кроме того... – Демба взвинтил себя до наибольшей любезности, на какую был способен, – я совсем не мог пройти мимо вас. Я должен был с вами познакомиться.

– В сущности, жаль, что мы не можем продолжать беседу.

Фрейлейн легко покачивала ступней, показывая тонкую щиколотку, переходившую в стройную ножку.

Станислав Демба беспомощно уставился на эту ножку и снова сел.

– Мне хотелось бы с вами еще раз повидаться, – сказал он.

– Я часто в это время гуляю с детьми. Впрочем, не всегда в этом парке.

– А где вы обычно бываете?

– Как когда. Это зависит от моей госпожи. Я гувернантка.

– В таком случае я сюда еще раз как-нибудь загляну.

– Если хотите положиться на волю случая. Но ведь вы можете мне написать, – сказала фрейлейн.

– Хорошо! Я вам напишу.

– Так запишите мой адрес: Алиса Лайтнер, квартира статского советника Адальберта Фюкселя, девятый округ, улица Марии-Терезии, 18.

– Это я и так запомню.

– Это невозможно. Такой длинный адрес нельзя запомнить. Повторите-ка его.

Станислав Демба помнил только Алису и тайного советника Фюкселя. Все остальное он забыл.

– Так запишите же адрес! – приказала фрейлейн.

– У меня нет ни карандаша, ни бумаги, – сказал Демба и раздраженно нахмурился.

Фрейлейн достала из сумочки карандаш и вырвала листок из записной книжки.

– Вот! Запишите!

– Я не могу, – сказал Станислав Демба.

– Не можете? – изумилась фрейлейн.

– Нет, я, к сожалению, неграмотен. Я не умею писать.

– Бросьте шутить!

– Это не шутка. Это известный статистический факт, что одна десятитысячная часть населения города Вены состоит из безграмотных. Среди этой одной десятитысячной нахожусь я.

– И вы хотите, чтобы я этому поверила?

– Разумеется, фрейлейн! Вы сегодня имеете честь... – Станислав Демба умолк. Ветер сорвал у него шляпу с головы и погнал ее через песчаную аллею в траву. Демба вскочил и сделал несколько шагов по направлению к шляпе. Вдруг он остановился, медленно повернулся и пошел обратно к своему месту.

– Там она лежит, – пробормотал он, – а я не могу ее поднять.

– Какой вы смешной! – рассмеялась фрейлейн. – Вы, может быть, боитесь сторожа?

– Если вы мне не поможете, она останется в траве.

– Но почему же?

Станислав Демба глубоко вздохнул.

– Потому что я калека, – сказал он беззвучным голосом. – Приходится сказать правду, у меня нет рук.

Фрейлейн посмотрела на него в ужасе и не проронила ни звука.

– Да, – продолжал Демба, – я потерял обе руки. – Фрейлейн безмолвно пошла за шляпой и вернулась.

– Наденьте ее мне на голову, пожалуйста. К несчастью, я не могу обходиться без посторонней помощи. Вот так, благодарю вас. Я был инженером, – продолжал Демба, снова садясь. – Демба, инженер мукомольной фабрики «Эврика». Простите, что не представился сразу. Вы знаете фабрику «Эврика»? Нет? Печенье хлеба. Излюбленный ржаной хлеб Газенмайера. Вы никогда не слышали о нем?

– Нет, – прошептала фрейлейн и закрыла глаза.

Теперь ей многое стало понятно в поведении соседа. Она поняла, отчего он раньше не поднял ее зонтика, бедняга, и отчего отказывался записать адрес.

– Это со мною случилось на паровой мельнице. Я обеими руками попал в маховик. Как-то в пя... Нет, это даже не в пятницу случилось, а в самый обыкновенный четверг, двенадцатого октября.

Неистовый страх охватил вдруг фрейлейн: как бы ему не пришла в голову мысль показать ей свои изуродованные руки. Две короткие, кровоподтечные культишки... Нет! Она не могла думать об этом. Мороз пробежал у нее по спине.

– Я должна теперь, к сожалению, уйти, – сказала она тихо и виновато. – Вилли! Гретль! Нам пора домой!

Она робким взглядом окинула соседа. Как жутко было видеть свисавшие пустые рукава! И его поношенный костюм, это старое пальто из дешевого сукна! Все, что ей казалось раньше оригинальностью, гордо выставленной напоказ, умышленной неряшливостью представителя богемы, предстало ей теперь тем, чем было в действительности: тщательно скрываемой нищетой.

И ведь он сам признался, что голоден.

– Вы все еще на фабрике? – спросила она.

– Где? На фабрике?... Ах да. На фабрике «Эврика»?.. Нет. Кому нужен калека? – сказал Демба.

Да. Ее предположение оказалось правильным. Ему приходится туго... У фрейлейн было мало денег при себе. Она нашла в сумочке одну крону и монету в десять геллеров. Она их тайком положила на скамью подле Станислава Дембы.

Затем она встала. Было мгновение, когда ее потянуло подать руку несчастному. Но она вовремя поняла всю нелепость такого намерения.

Она кивнула головой Станиславу Дембе и попрощалась с фрау Буреш. Потом взяла за руки детей и удалилась.

При выходе из парка ей пришло на ум, что несчастный человек совсем не сможет взять ее деньги. Но она решила, что кто-нибудь поможет ему, какой-нибудь прохожий или же фрау Буреш.

Фрау Буреш, слышавшая весь разговор, хотя делала вид, будто занята только своим вязанием, была свидетельницей того, как обнаружил деньги Станислав Демба. Она наблюдала, как оторопь, отвращение и разочарование исказили его лицо, и с изумлением увидела, как из-под его пальто показались два пальца и с яростью сбросили деньги на землю.

Глава IV

В конторе фирмы «Оскар Клебиндер, модные материи для жилетов, оптовая продажа» работа в этот день ничуть не кипела. Владелец предприятия, правда, побывал в конторе утром, как делал это каждый день, ругнул немного служащих и, в частности, пригрозил увольнением с первого числа конторщику Нойгойзлю, опоздавшему на целых полчаса. Затем у него в кабинете произошло бурное объяснение с разъездным агентом Зерковичем. «За прогулки по Вене я не плачу! И не подумаю!» – раздавались оттуда его крики. Далее он продиктовал два письма фрейлейн Постельберг, не переставая кашлять, сморкаться и бранить поезда городской железной дороги за пыль и грязь. Но потом он ушел, сказав, что через час, вероятно, вернется; угроза эта не произвела, однако, впечатления ни на кого из подчиненных. Все знали, что он собирается с десятичасовым поездом уехать в Коттингбрун на скачки.

В такие дни служебные часы в фирме «Оскар Клебиндер, модные материи для жилетов, оптовая продажа» обычно протекали уютно и приятно. Ибо бухгалтер Браун, который должен был заменять отсутствующего патрона, мистер Броун, как его называли три конторские барышни, хотя он был родом из Мериш-Трюбау и не понимал ни слова по-английски, – мистер Броун никому не портил настроения. Сам он, правда, продолжал добросовестно работать за своей конторкой, суммировал столбцы цифр, заключал счета и открывал новые, но происходившим вокруг него не интересовался. Его сотрудники и сотрудницы могли проводить свой девятичасовой рабочий день, как им было угодно. Только когда беседа становилась чересчур громкой, он покачивал неодобрительно головой.

Беседа не была в этот день громкой. Стучала одна пишущая машинка. Это старалась фрейлейн Гартман, собиравшаяся на следующий день в отпуск; ей нужно было дописать залежавшиеся бумаги. Фрейлейн Шпрингер читала вслух газету, хронику спорта. Фрейлейн Постельберг поставила на стол два зеркала и доканчивала свою новую прическу. Господин Нойгойзль занят был истязанием своих карманных часов, которым ставил в вину свое опоздание. Практикант Иосиф, уйдя в мечты, исписывал лист канцелярской бумаги своим росчерком, а росчерк у него был такой размашистый, что он мог быть без всяких затруднений назначен директором Австро-Венгерского банка. Из помещения склада доносился жирный голос разъездного агента Зерковича, упрекавшего кого-то в том, что до сих пор не составлена коллекция образцов.

– Этель, она мне к лицу? – спросила фрейлейн Постельберг, только что окончив свою прическу.

– Покажи-ка! Замечательно, Клер! – сказала фрейлейн Шпрингер.

Клер и Этель – не совсем обычные имена для служащих в мануфактурной фирме на набережной Франца-Иосифа. Ни одна из обеих дам не могла бы обосновать свое право на столь звучное имя ссылкой на свидетельство о рождении, крещении или какой-либо другой документ. Но у фрейлейн Постельберг нельзя было оспаривать ее право именоваться Клер. Хотя волей рока она родилась на свет простой Кларой Постельберг в Вене II, все же мужской персонал всех предприятий, находившихся в деловых отношениях с фирмой «Оскар Клебиндер», считал, что в ней есть что-то «французское», что-то «чисто парижское» или – как еще точнее выражался разъездной агент Зеркович, известный знаток женщин, – «что-то такое». Она брала на дом из библиотеки номера «Chic Parisien», читала по дороге на службу и со службы французские романы и в прошлом году вызвала на одной вечеринке бурю аплодисментов исполнением французской шансонетки. Фрейлейн Шпрингер, венгерская корреспондентка, в свою очередь, выдавала себя за настоящую *sporting girl* с тех пор, как получила второй приз на состязаниях в плавании. Она распространяла страх и ужас энергичной своей манерой пожимать руки, чем истязала всех знакомых и друзей, и добилась посредством террора того, что в конторе ее имя

Этелька было преобразовано в сокращенное и более звучное – Этель. Она особенно любила говорить об американском воспитании девушек и о положении женщины «по ту сторону океана» и умела прикрывать легкий венгерский акцент своей речи удачно вставленными «all right» и «nevermind».

Соня Гартман действительно называлась Соня. Она встала, нахлобучила крышку на пишущую машинку и заперла ее.

– Так! Готово, – сказала она. – Целых двенадцать дней я не буду прикасаться к перу, разве только если вздумаю посылать вам открытые письма из Венеции.

Предстоявшее Соне Гартман путешествие уже два дня занимало служащих. Исход ее вчерашнего ходатайства перед патроном – он разрешил ей двенадцатидневный отпуск – ожидался ими с нетерпением и был подробно обсужден. В составлении маршрута принимала усердное и страстное участие вся контора, а по части необходимых закупок и прочих приготовлений явился сведущим консультантом многоопытный господин Зеркович, разъездной агент. Через какие-нибудь двадцать четыре часа поезд должен был умчать Соню Гартман в сказочные, далекие края с перрона Южного вокзала. А за три дня до этого никому и не снилось, какое счастье ей предстояло. Но третьего дня ее друг, Георг Вайнер, совершенно неожиданно получил от отца триста крон в награду за выдержанную репетицию. Девяносто крон было у нее у самой в сберегательной кассе, и она могла их внести в общую дорожную казну. А за четыреста без малого крон можно было обозреть изрядную часть света. Правда, круговой билет второго класса Вена – Триест – Венеция – Вена, уже вчера переходивший в конторе из рук в руки и вызвавший заслуженное восхищение, представлял собой довольно жиденькую тетрадку, содержащую не очень-то внушительное количество листков. Но подобно тому как в официальных сообщениях о встречах государей или министров самые значительные обстоятельства содержатся не в тексте, а между строк, подлинные улады путешествия надлежало искать не на продырявленных листках кругового билета, а между ними. Уже в Земмеринге предполагалось на несколько часов остановиться и предпринять восхождение на Зонвендайн. Осмотру Лайбаха Грац был уже знаком Соне Гартман – и Адельсбергского грота решено было посвятить по двенадцати часов. Из Триеста предстояло совершить экскурсии в Пирано, Капо д’Истрия и Градо, а многодневное пребывание в Венеции прервать поездкой в Падую. Ибо Падую, как заявил Георг Вайнер, не является таким всеобщим магнитом, как Венеция, лежит в стороне от потока слоняющихся по свету зевак и находится ближе к сердцу Италии. Кто был в Венеции, тот знает только бахрому Италии, а побывать в Падуе – значит познакомиться с Италией самой, – это подтвердил и господин Зеркович. Падую поэтому тоже включена была в маршрут, хотя Соня предпочла бы, в сущности, подольше оставаться на Лидо. Из Падуи предполагалось послать Сониному шефу, господину Клебиндеру, ту телеграмму, из-за текста которой вчера чуть было не вспыхнула ссора между Соней и Георгом Вайнером. Соня стояла за категорический тон, исключающий всякую возможность возражения. Георг Вайнер внес проект дипломатический, и в итоге они сошлись на редакции: «Вследствие нездоровья возвращение задерживается, приеду пятницу». Это удлиняло отпуск на целых два дня и позволяло на обратном пути, если хватит денег, пешком пройти через романтический Энсталь.

Соня закурила папироску и откинулась на спинку стула, как если бы уже сидела в вагоне и неслась мимо Мюрццушлага, Санкт-Петера или Опцины.

– Будете ли вы мне все писать в Венецию? – спросила она, пуская дым клубами. – Венеция, *posta grande*. Вы тоже, мистер Броун?

– Что же мне вам написать? – спросил мистер Броун, не отрываясь от своей книги.

– Что случилось нового в конторе.

– Что же может случиться нового? – отозвался бухгалтер и спрятал голову между двумя листами. – Что Коломан Штейнер в Грос-Кикинде предлагает шесть процентов, это вас, вероятно, мало заинтересует. Будьте довольны, что несколько дней не будете об этом слышать.

– Фрейлейн Постельберг уже позаботится о новостях, – вмешался в беседу господин Нойгойзль. – В этом месяце волосы у нее вишнево-красные, после первого числа очередь за цветом травянисто-зеленым, это я знаю из надежного источника.

– Вы этого у нас, вероятно, все равно не увидите, господин Нойгойзль, – отразила удар жертва нападения, неделикатно намекая на угрозу патрона. Так что вам должно быть безразлично.

– Деточки, перестаньте ссориться! – остановила ее Этелька Шпрингер. Скажи-ка лучше, Соня, что скажет Стани, когда услышит, что ты укатила с Георгом?

– Стани? – Соня пренебрежительно пожала плечами. – Пусть говорит, что хочет. С ним у меня все кончено.

– У тебя все эгоизм и расчет, – сказала фрейлейн Постельберг.

– Как можешь ты это говорить? – вскипела Соня. – Пожалуйста, не суйся в мои дела.

Она достала из сумочки фотографию своего друга и поставила ее перед бухгалтером.

– Это Георг Вайнер. Разве он не хорош собой, мистер Броун? Разве не хорош?

Мистер Броун как раз был занят сложением и не имел времени отвести взгляд от страницы.

– Как ангорский кот, – сказал он, однако, на всякий случай. – Семнадцать... двадцать шесть... тридцать два. Как шелковичный червь.

У него от многолетней деятельности в области шелковой промышленности составилось смутное представление о шелковичном черве как о каком-то особо красочном животном.

– Нет, серьезно, мистер Броун, – приставала Соня, – скажите, разве он не красив?

– Пятьдесят один... пятьдесят девять... шестьдесят четыре. Как олень с Карпат.

Соня огорченно повернулась к нему спиной и положила фотографию на свой столик.

– Мне жаль Стани, – сказала фрейлейн Постельберг. – Не знаю почему, но он не выходит у меня из головы. Послушайся меня, брось Венецию и скучного Вайнера и поезжай к своей тетке в Будвайс, как в прошлом году.

Соня скроила гримасу и решила, что не стоит отвечать.

– Как райская птица! – произнес, нагибаясь над своей конторкой, мистер Броун, машинально, во время складывания, подыскивая правильное сравнение для красоты Георга Вайнера.

– Тебе-то легко, конечно, – продолжала Клара Постельберг. – Ты уже завтра будешь бог весть где порхать, когда он придет сюда и устроит нам скандал. Наслушаемся мы тогда упреков от него. Так это было и на прошлой неделе, когда ты с Вайнером поехала в театр. Он пришел в исступление, когда не застал тебя. Вел себя совсем как дикарь – жаль, что тебя не было при этом, – ревел, как...

– ...Как сибирский медведь, – дополнил мистер Броун, все еще находясь во власти зоологических представлений и не зная точно, о чем в данное мгновение идет речь.

– У него нет никаких оснований волноваться, – спокойно сказала Соня. Я уже ему не раз говорила, что между нами все кончено навсегда. Впрочем, вы можете ему в самом деле сказать, что я поехала к тетке в Будвайс.

Господин Нойгойзль отложил в сторону перочинный ножик, при помощи которого достиг важного усовершенствования в механизме своих часов.

– Если вы воображаете, – сказал он Соне, – что ваш отставной друг не вполне точно знает, что вы замышляете...

– Ну и пускай знает, – перебила его Соня. – Тем лучше. У меня нет причин играть с ним в прятки. Где вы его встретили?

– Вчера вечером он подсел ко мне в кафе «Систиния», – сказал господин Нойгойзль, щелкнув крышкой часов и положив их в жилетный карман. – Я собирался спокойно читать газету, но это мне не удалось. До девяти часов мне приходилось непрерывно внимать его

любовным жалобам, а от девяти выслушивать его мстительные замыслы. Это меня очень интересовало, – иронически заключил господин Нойгойзль.

– Какой у него был вид? Очень взволнованный? – спросила с любопытством фрейлейн Постельберг.

– Сначала он очень волновался, но под конец у него возникла одна идея, и тогда он успокоился. Он что-то говорил о шестистах кронах, которые собирается раздобыть, и о том, что на эти деньги намерен поехать с фрейлейн Гартман в Париж или на Ривьеру.

На Соню Гартман эта новость не произвела впечатления, зато фрейлейн Постельберг при слове «Париж» пришла в экстаз.

– Соня! – воскликнула она восторженно, откинула голову назад и мечтательно подняла глаза к потолку. – Париж! Бульвары! Пер-Лашез! Монмартр!

– Одеколон! – передразнил ее, гримасничая, господин Нойгойзль. – Шапокляк! Voila tout!

Затем он встал и принялся что-то энергично нашептывать бухгалтеру.

Мистер Броун, казалось, не слышал его, продолжая неумоимо писать и считать. Только спустя несколько минут отложил он в сторону перо, взглянул на стенные часы и хлопнул себя рукой по лбу.

– Уже три четверти десятого? Может ли это быть? – спросил он. – Сколько у вас на часах, господин Нойгойзль? Неужели три четверти десятого? В таком случае меня уже четверть часа поджидает доверенный братьев Гольдштейн. Деловой разговор! Господин Нойгойзль, можете мне сопутствовать, чтобы научиться обхождению с клиентами. Если патрон случайно вернется, то вызовите меня из кафе «Систиния», фрейлейн Шпрингер: кельнер знает меня. Телефон один семьдесят восемь тридцать шесть.

– All right, мистер Броун, – сказала Этелька Шпрингер.

– Вам это почему-либо не нравится, фрейлейн Постельберг? – обратился мистер Броун к переписчице, обменивавшейся с практикантом Иосифом немymi взглядами взаимного понимания.

– Что вы, помилуйте! – возразила Клара Постельберг. – Я ведь знаю: les affaires sont les affaires.

– Бьюсь об заклад, – сказала она, когда мистер Броун ушел из конторы с господином Нойгойзлем, – что он пошел играть с Нойгойзлем в карамболь. Всякий раз, когда патрон на скачках, у Бруна деловые разговоры в кафе «Систиния», и всегда он берет с собой Нойгойзля.

– И хорошо делает, – сказала Этелька Шпрингер. Клара Постельберг подсела к Соне.

– Что ты имеешь против Стани?

– Ничего, – сказала Соня. – Решительно ничего. Просто я его разлюбила.

– Почему же? И с каких пор?

– С каких пор? В сущности, я его по-настоящему никогда не любила, разве что только в тот день, когда познакомилась с ним. Позже я его только боялась: он дик и невменяем. Когда я бывала с ним на людях, то мне всегда приходилось дрожать, как бы он с кем-нибудь не затеял ссоры.

– Но ведь он очень дельный малый, – сказала Клара Постельберг, – и понимает решительно все. Во всем он знает толк. Недавно он мне объяснил, отчего все фруктошницы стоят всегда на крестьянском рынке, а цветочницы на Кертнерштрассе. Теперь я это забыла, но это было очень интересно. К тому же он ведь рослый и красивый человек, не такой, как Георг Вайнер, этот...

Она не договорила. Позвонил телефон. Она вскочила и побежала в кабинет главы фирмы, у которого телефон стоял на столе. Через несколько мгновений она вернулась.

– Соня, тебя зовут к телефону.

– Георг?

– Кажется, он.

Соня пошла к аппарату. Клара Постельберг взялась за газету. Она начала с последней страницы и стала читать объявления, сначала легкомысленные, старавшиеся прерывистыми зовами любви вскружить голову «той восхитительной барышне» в белом, розовом или голубом платье, затем солидные предложения более положительных господ с некоторым соответственным или даже с довольно значительным капиталом. Практикант Иосиф играл при помощи двух медных крейцеров в увлекательную азартную игру собственного изобретения. Этелька Шпрингер писала открытое письмо. Только шелест газеты и тиканье стенных часов нарушали тишину.

Вдруг фрейлейн Постельберг уронила газету.

– Этель, прислушайся-ка! Мне кажется, патрон вернулся!

Деревянная лестница, которая вела из склада в контору, скрипела под тяжелыми шагами. Две пишущие машины начали яростно стучать. Две головы склонились над вдвинутыми под валики листами бумаги. Нос практиканта беспокойно засновал между страницами наскоро раскрытой копировальной книги.

Но не господин Клебиндер, глава фирмы, взошел по лестнице, а Станислав Демба. В дверях он остановился и, прищурившись, обвел глазами комнату. Светло-коричневое пальто свободно висело у него на плечах. Спереди он стягивал его на груди руками.

– Соня здесь? – спросил он.

Он казался невыспавшимся и утомленным быстрой ходьбой и лестницей.

– Это вы, господин Демба? Здравствуйте! – воскликнула Клара Постельберг. – Соня в кабинете у патрона. Сейчас выйдет.

Она осторожно промолчала о том, что Соня говорит по телефону с Георгом Вайнером.

– Я подожду, – сказал Демба.

– Но в таком случае будьте любезны снять шляпу, Стани, – обратилась к нему Этелька Шпрингер. – У нас в комнате принято снимать шляпу.

Станислав Демба со шляпой на голове стоял посреди комнаты тяжело и неуклюже и с беспокойством смотрел на Этельку Шпрингер. По лбу у него катилась капля пота. Он ее не стер, а только нервно шевельнул мускулами лица, как будто хотел спугнуть докучливое насекомое. Шляпы он не снял.

– Видишь, Клер, вот как это делается, – сказала Этелька Шпрингер и быстрым движением сняла у него шляпу с головы.

Демба вздрогнул, но не воспротивился этому. Этелька Шпрингер пододвинула ему стул.

– Так. Теперь можете сесть. Соня сейчас придет.

Станислав Демба с ненавистью уставился на Этельку Шпрингер, а потом, с выражением совершенной беспомощности – на свою широкополую шляпу, которую Этелька повесила на крюк у стены. Наконец, пожав плечами, он опустился на стул.

– Мне вы, однако, могли бы подать руку. Я ведь вам ничего не сделала, – сказала Клара Постельберг.

Демба, казалось, только теперь заметил протянутую ему руку и вдруг сделался разговорчив.

– Какие у вас прелестные, маленькие ручки, фрейлейн Клара! Никогда в жизни не видел я таких аристократически благородных рук. Чего бы я не дал, чтобы поцеловать эту руку!

– Но пожалуйста! – поощрила его фрейлейн Постельберг, протянув ему и вторую руку.

– К сожалению, у вас на пальцах чернильные пятна. Это убивает всякую иллюзию, – сказал Демба.

– Вы сегодня несносны, господин Демба!

Клара Постельберг направилась, глубоко удрученная, к умывальнику, стоявшему между окном и копировальным прессом, и принялась тереть пальцы мылом.

– Туалетное мыло Хвойки! – сказал он вдруг. – Самое лучшее!

– Право же, вы сегодня несносны!

– Сегодня? Он всегда несносен, – заявила Этелька Шпрингер. – Не правда ли, Стани? Тем не менее вы можете пожать руку старой приятельнице. У меня на пальцах нет чернильных пятен.

Этелька Шпрингер и Станислав Демба были знакомы давно. Он был репетитором ее младшего брата, получая за уроки обед, и протащил его через четыре класса прогимназии. Этелька Шпрингер познакомила его с Соней. Но, несмотря на это, Этелька Шпрингер не удостоилась рукопожатия.

– Вам? – промолвил Демба и скривил губы. – Я боюсь вывиха.

– Вы невежа! – сказала Этелька Шпрингер. – Соня хорошо делает, что... – она приумомкнула.

– Что делает Соня?

– Ничего!

– Что делает Соня? – крикнул Станислав Демба. Он вскочил со стула и был бледен как мел. – Что делает Соня?

– Не кричите так! Ничего, – ответила Этелька Шпрингер.

– Я желаю знать, что хотели вы сказать про Соню! – взревел Демба вне себя.

– Ничего я не хотела сказать. Оставьте меня, пожалуйста, в покое.

Этелька повернулась к нему спиной.

С треском опустились кулаки Станислава Дембы на доску стола. Что-то задребезжало, как будто разбилось большое зеркальное стекло. Практикант, задремавший в углу, вскочил и протер себе глаза. Клара Постельберг и Этелька Шпрингер обернулись и увидели Дембу, тяжело дышавшего, прислонившегося к письменному столу. Он был, по-видимому, сам испуган своей неожиданной яростью. Руки его опять исчезли под светлым пальто.

– С ума вы сошли, Стани? – крикнула Этелька Шпрингер. – Вы разбили мою чернильницу!

Но чернильница стояла невредимой на столе. Только немного чернил разбрызгалось, образовав два островка на металлической плите письменного стола.

– Но ведь какую-то вещь вы разбили. Стакан или что-нибудь другое. Я слышала ясно, как зазвенели осколки! Этелька Шпрингер тщетно искала осколки на полу.

– Что делает Соня? – спросил Станислав Демба, на этот раз очень спокойно.

– Вот она. Спросите ее сами, – ответила Этелька и показала на Соню Гартман, которая в этот миг вошла в комнату, привлеченная шумом.

Приход Станислава Дембы не был для Сони неожиданностью. Раз он узнал о ее отъезде, – непонятно, кто мог ему это рассказать, – то нельзя было сомневаться, что он придет и попытается удержать Соню. Объяснение, которое предстояло ей теперь, было неотвратимо. Оно принадлежало к числу тех маленьких неприятностей, с которыми нужно было Соне разделаться, прежде чем отправиться в путешествие. Оно было связано с этим путешествием так же, как скучное укладывание вещей, как тягостный разговор с патроном, как уклонение от назойливых расспросов ее хозяев. Соня жила у чужих людей, которые брали с нее высокую плату за скудно обставленную комнату и более чем скромную еду и вдобавок считали себя вправе наблюдать за ее поведением.

Все эти неприятности были благополучно преодолены, и теперь нужно было еще только дать состояться этому последнему разговору со Станиславом Дембой.

Соня была к этому готова.

– Это ты? – спросила она и придала лицу выражение боязливого смущения. – Я ведь просила тебя не приходить ко мне в контору. Ты знаешь, патрон...

Тон досады в ее голосе произвел надлежащее действие. Станислав Демба растерялся и уже в начале объяснения оказался в положении обороняющегося.

– Прости, пожалуйста, что я помешал тебе здесь, – сказал он. – Но мне нужно с тобой поговорить.

– Неужели это необходимо? – спросила она, сделав самую равнодушную гримасу, на какую была способна.

– Да.

– Если это необходимо, то садись, пожалуйста. – Демба сел.

– Ну, я слушаю, – сказала Соня. Демба некоторое время молчал.

– Может быть, лучше было бы все же с глазу на глаз...

– Пойдем, Клер, – сказала Этелька Шпрингер. – Мы не будем мешать.

– Нет, нет, оставайтесь. Пожалуйста, оставайтесь. То, о чем господин Демба и я должны говорить друг с другом, может слышать всякий, – быстро сказала Соня.

Она радовалась возможности сделать обеих своих подруг свидетельницами поражения Дембы. Но Этелька Шпрингер не захотела остаться.

– Нет, – сказала она, – нам лучше оставить вас наедине. Пойдем, Клер!

– Enfin seuls, – не удержалась от замечания Клара Постельберг, когда вслед за Этелькой Шпрингер вышла из комнаты.

Практикант остался в своем углу, возле копировального пресса. По-немецки он понимал только несколько слов – он только тремя неделями раньше приехал в Вену из своего чешского гнезда, – так что с его стороны не приходилось опасаться нескромности.

К тому же он заснул.

– Ну? – сказала Соня, когда они остались одни. Демба встал.

– Где была ты сегодня ночью?

– Какое тебе дело? – гневно набросилась на него Соня. – Впрочем, я была у своей тетки, она хворает и не хотела ночью оставаться одна.

– Где живет твоя тетка? На Лихтенштейнской улице, что ли?

Соня покраснела.

– Нет. На Мариахильф. Отчего ты упомянул Лихтенштейнскую?

– Она мне случайно пришла на ум. Впрочем, едва ли тетка твоя очень тяжело больна, иначе бы ты не собиралась в путешествие с Вайнером.

– Так вот о чем речь?

– Да, именно об этом.

– Прости, пожалуйста, что я забыла попросить у тебя позволения, – сказала насмешливо Соня.

– Ты не поедешь! – крикнул Демба.

– Нет, поеду! Завтра в девять утра.

– Я этого не желаю! – закричал в ярости Демба.

– А я желаю, – сказала Соня все так же спокойно.

– Надеюсь, ты понимаешь, что тогда между нами все будет кончено.

– А ты, надеюсь, понимаешь, что для меня все кончено между нами вот уже четверть года.

– Вот как? – сказал Демба. – Ладно! В таком случае все ясно. Только одно должен я тебе еще сказать: что ты мне поклялась никогда не любить никого, кроме меня.

Демба очень рассчитывал на это напоминание. Но Соня рассмеялась.

– В самом деле? – спросила она.

– Да, – ответил Демба. – Прошлой осенью. В тростниковой хижине. Мы после ужина пошли в парк, и тогда...

– Не обещала ли я тебе, кроме того, что никогда не буду голодна? Такое обещание мне было бы так же легко сдержать. Я, право же, не думала, что ты такой ребенок, Стани.

– Может быть, ты это отрицаешь?

– Нет, – сказала Соня. – Но тогда я была почти девочкой, с которой ты мог делать, что хотел. А теперь я мыслящий человек. Это очень просто. – Она пожала плечами. – Теперь все изменилось.

Демба, считавший, что напоминание о вечере в тростниковой хижине послужит ему верным средством переубедить Соню, пришел в замешательство. К ее возражению, что «теперь все изменилось», он не был подготовлен. Он взглянул раздраженно на часы и топнул ногой.

– Я думал, что могу тебя образумить в несколько минут. Если бы только я мог тебе объяснить, как для меня дороги сегодня каждые четверть часа! У меня так много дел, а мне приходится терять здесь время из-за твоего упрямства.

– Я тоже нахожу, что ты здесь совершенно напрасно теряешь время, – сказала Соня.

– Ничего не поделаешь, – сказал решительно Демба. – Я не уйду, пока наши отношения не будут приведены в ясность, хотя бы я из-за этого погиб. А мне кажется, – Демба еще раз взглянул на часы и совсем тихо простонал: – Что я из-за этого погибну.

Соня насторожилась. Имели ли какое-нибудь значение эти слова? Не хотел ли запугать ее Демба? Но чем? Ей бросилось в глаза, что Демба как будто прятал что-то под своим пальто. Какой он там последний козырь приберег?

– Ты не должна думать, – заговорил Демба, – что я хочу тебя удержать от путешествия. Но ты поедешь со мной. Сегодня днем я раздобуду деньги и приготовлю все необходимое, а завтра утром мы можем уехать.

– В самом деле? – глумилась Соня. – Ты чересчур любезен и мил.

– Вайнеру ты письменно откажешь. Я тебе продиктую письмо, – продолжал Демба невозмутимо.

– Перестань ты, наконец, нести вздор! Это мне надоело. Ты ведь и сам не веришь, что я стану под твою диктовку писать моим друзьям. Для твоего душевного состояния будет полезнее всего не видеться со мной несколько недель.

Дембе постепенно становилось ясно, что он не в состоянии победить холодное, рассудительное спокойствие Сони. Полчаса уже бился он над этим и не подвинулся вперед ни на шаг. Он понял, как бессилен против твердого решения Сони, не видел больше средств повлиять на нее и убедился, что игра проиграна.

Фотографическая карточка Георга Вайнера, все еще лежавшая на письменном столе, попала ему на глаза. Вид счастливого соперника привел его в ярость, и он обрушился на Георга Вайнера:

– Это напыщенное ничтожество! Эта обезьяна! И в такого остолопа ты могла влюбиться!

Соня в первый раз повысила тон:

– Если ты начнешь оскорблять моих друзей, то я перестану с тобой разговаривать. Твое поведение только лишний раз доказывает, что мы не подходим друг другу.

– Ладно! – сказал Станислав Демба.

Дело его было все равно проиграно. Но на своем противнике он решил выместить злобу, хотя мог его уничтожить только *in effigie*.

Он избрал странный обходной путь, чтобы завладеть портретом. Между краями пальто высунулся кончик пальца, приблизился к карточке, нацелился и сбросил ее со стола. Она упала на пол около печки. Демба мгновенно кинулся туда же и нагнулся над ней. Но Соня, желая защитить портрет Георга Вайнера от издевательств, была так же проворна, как Демба. Оба потянулись к фотографической карточке, и в этот миг Соня случайно прикоснулась к руке Станислава Дембы.

Она испустила слабый крик и отпрянула на два шага назад.

Она ощутила нечто твердое, холодное как лед, и на протяжении доли секунды взгляд ее улавливал какой-то поблескивавший, отливавший металлом инструмент.

Она поняла сразу. Это было ясно с первого мгновения: Станислав Демба прятал какое-то оружие под своим пальто. У нее не было времени разглядеть, был ли то револьвер, нож или кастет; она знала только, что жизнь ее находится в крайней опасности.

Она обсудила все в один миг. О бегстве нечего было и думать. Демба находился между ней и дверью. От практиканта помощи ждать не приходилось. Подними она тревогу – Демба мог бы осуществить свой преступный замысел немедленно. Она решила сделать вид, будто ничего не заметила, согласиться на все, что потребует от нее этот сумасшедший, избегать всего, что могло бы его привести в раздражение. Только так можно было спастись.

Она отгородилась от него письменным столом. Станислав Демба выпрямился. Портрет лежал разорванный на полу. Демба ногой отшвырнул его в угол. Потом повернулся к Соне. Руки с оружием опять были спрятаны под пальто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.